

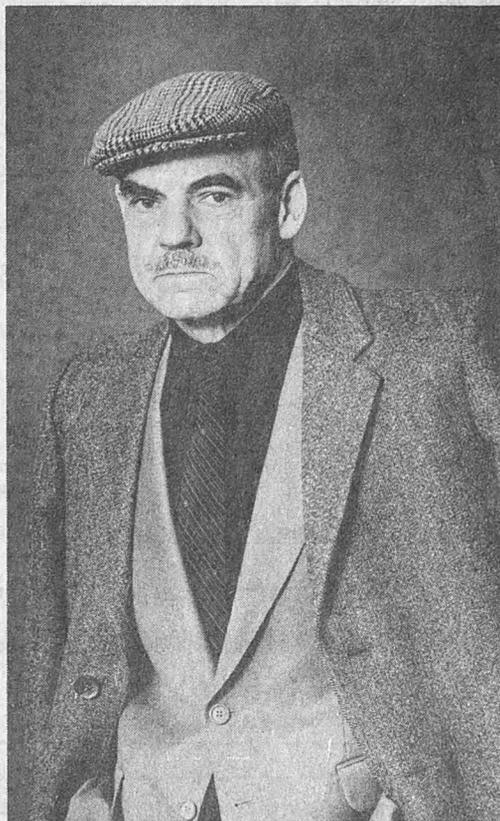
Брода в огне не искал

Незадолго до войны, в конце 1930-х, публика очень любила веселую комедию «Девушка с характером». Героиня, белокурая красавица (это была знаменитая Валентина Серова), шагала по экрану со звонкой песней-шлягером на устах и на пути своем встречала трех молодых пограничников: они выручали певунью из беды. Один из тройцы, черноглазый, запомнился, как говорится, «лица необщим выраженьем». Но кто бы мог тогда подумать, что этому парнишке из эпизода предстоит в киноискусстве многотрудный путь к высотам творчества?

Ему, Михаилу Глузскому, 70 лет. Юбилейную цифру покоя и славы, профессорства, почтенных седин, мемуаров и прочих возрастных преимуществ Глузский встречает, как и обычный день, — в работе, на бегу, не переводя дыхания. У него седина, но, однако, самая малая, у него по-прежнему юношеская фигура (Михаил Андреевич, только не надо сутулиться!), а черные глаза, чаще, чем хотелось бы, полные печали утрат и груза раздумий, сверкают живым умом. Секрет его молодости, конечно, не в режиме, зарядке или каких-либо иных полезно-прагматических средствах сохранения здоровья. То, что в старину называли «горением», то есть творчество, постоянная потребность самосовершенствования, неравнодушие к происходящему вокруг и к заботам друзей — вот что сделало Михаила Глузского не только лидером актерского цеха в советском кинематографе, но и душевно молодым человеком навсегда.

Талант — это еще и труд, скромность, терпение, выносливость, воля, убеждаешься еще раз, пробегая в памяти путь артиста. Долгое время он со своим, как говорили тогда, «отрицательным обаянием», с чертами лица мужественными и резкими, с kloхоуцим темпераментом считался актером «характерным», на небольшие и броские роли типа есаула Калмыкова в «Тихом Доне» С. Герасимова — его актерской вершины в первый период биографии.

Но уже в жестком, фанатичном коменданте, инвалиде гражданской войны по имени Фокич из картины Г. Панфилова «В огне брода нет» зазвенела какая-то иная нота, нечто тревожное и растерянное подспудно жило в этом непреклонном солдате революции. Может быть, именно скрытая — лирическая — сторона актерского дарования Глузского привлекла умного и тонкого режиссера Илью Авербаха, пригласившего его на сложнейшую (возрастной разбег, огромный текст, моноструктура фильма) роль академика Сретенского в картине «Монолог». Все были едва ли не в шоке: роль для Плятта, ученый, потомственный петербургский интеллигент, валяжный, респектабельный, и вдруг — Глузский с его лицом скорее простонародным и со специализацией на злодеях или неврастениках?! Но Авербах знал, что делал: родился один из самых обаятельных, незабываемых экранных образов, и именно разрушение «профессорского» штампа тому способствовало. Пожалуй, самым сильным, за душу хватающим было в фильме изображение «частной жизни» героя: любви и преданности Сретенского, одинокого, нелюдимого, погруженного в свою науку, к юному и беспомощному существу, внучке Ниночке. Дуэт Глузского и молодой Марины Нееловой (это одна из первых ее киноролей) потрясал. В игре Глузского была полная открытость чувств без всякой пелал и тремоло, нежность без сентиментальности. А такие сцены, как разговор с оскорбителем девочки — гладким хамом, как проход

Сретенского по залу какой-то высокой научной конференции после полученного сообщения, что Ниночка больна, а значит, весь свет померк, и, конечно, финальная сцена фильма — встреча — принадлежит к лучшим, хрестоматийным страницам современного кино.

С тех пор — с начала 70-х — Михаил Глузский играл роли разные, главные, второстепенные (которыми как истинный артист не гнушался), в кино и на телевидении, бесперебойно, что называется, «с погружением». Его работы всегда отличают строгое чувство ответственности, четкость позиции, тщательность отдачи. Лучшей после «Монолога» ролью Глузского кажется мне Прибытков из «Последней жертвы», экранизации А. Н. Островского. Эта роль, как и недавний его, неожиданный и непривычный горьковский Лука (в фильме «Без солнца» по пьесе «На дне»), намекают на далеко еще не раскрытые артистические возможности Глузского в ролях русской классики.

Глузский остался верен своей актерской профессии, не соблазнившись, как многие из его коллег, ни режиссурой, ни благодарной по отклику педагогикой. В труд актера-чернорабочего вкладывает он богатство своей личности, багаж своего жизненного опыта. А личность эта исполнена истинного благородства, интеллигентности в самом лучшем и прямом смысле слова. Вот уж где ни грана того, что привычно связывают с актерством: каботинства, богемы, самодовольства, эгоизма! У Глузского прекрасная, любимая и любящая семья, настоящий московский (то есть открытый, добросердечный) дом, освященный памятью и традициями его тестя, замечательного ученого-гуманитария А. Дживелегова; все трудятся — жена, театровед, научный работник Е. Перегудова, выросшие дети Андрей и Мария. Но в доме бывает Михаилу Андреевичу особенно не приходится: ведь он принадлежит к тем артистам, которых в кинематографическом быту называют «просителями» или «выбивателями»: ходит по начальству выбивать пособие такому-то, квартиру такому-то, больницу этому и так далее, до бесконечности. И не только по своей обязанности секретаря правления Союза кинематографистов, председателя секции ветеранов кино, но по доботе душевной, по искреннему и отзывчивому сердцу. И сколько людей, кому он помог и помогает в жизни, сегодня поздравляют его, радуются вместе с его родными, все-таки не веря, не укладывая в сознании, что Михаилу Андреевичу уже 70!

Нея ЗОРКАЯ.